

19.03.04
(март)

Мейерхольд Всеволод
Димитрий

Несколько слов о гадании попутая

Ирина УВАРОВА

Масленица сегодня в Пензе – как и тогда. Когда он совершал “убеги” к балаганам. Бежать было все ничего, город балаганный по ранней весне выстраивался каждый год совсем близко от Мейергольдова дома, бежать – то было все – ничего.

Тут у меня сразу несколько вопросов. Первое. Александра Блока, мальчика из профессорской семьи, на балаганы ежегодно вывозили, Александра Бенуа петербургская, интеллигентная семья считала необходимым отправлять на балаганы с гувернером с пяти лет. А семья винозаводчика Мейергольда была категорически против того, чтобы мальчики бегали глазеть на балаганные радости. Они, разумеется, сбежали, но все же...

И это вопрос второй. Как сложилась бы творческая судьба Мейерхольда Вс.Э., когда б он оказался послушным сыном.

Наконец, вопрос третий. Что стало бы с театром вообще, если б он балаганов не видел?

Гладков, видно, расспрашивал его много лет спустя, что от пензенских балаганов запомнилось. Да все запомнилось, что и говорить. Домики пестрые, бродячий зверинец и гадатель с попугаем – интересно, что попугай ему нагадал. Счастья, должно быть. Цирк, конечно, запомнил, еще бы, цирк самих Никитиных! И далее – гигантские шаги, шуты, а также марионетки, большие, в рост человека, игравшие печальную историю любви и смерти.

Трудно осознать, как режиссер, перевернувший театр, дерзко утверждавший авангард, новатор до корней волос, – как много он вынес с этой самой пензенской балаганной площади.

Гигантские шаги ушли в “Лес”, клоун Ландовский – в “Акробатов”, колесо обозрения напомнило о себе в “Великодушном рогоносце”. Но это лишь мелкие блестящие с костюма балаганщика, на самом деле их бесконечно много.

Однако впервые он совершил невозможное; взял да и перенес один балаган с провинциальной площади – на столичную сцену. То был “Балаганчик” Блока, где и были “куклы в рост человека” – то есть актеры играли кукол. Сам он был куклой-Пьеро. Пройдет много лет, и он подарит С.Образцову книгу, из дарственной надписи можно заключить, что он, Мейерхольд, завидует кукольникам, поскольку им известны тайны, недоступные ему, “так называемому театру”. Эта была неправда, святая балаганная ложь. Побывав куклой Пьеро, в его деревянном корпусе, он познал кукол “изнутри”, и в тайны кукольные проник. Но всякий истинный балаганщик мистифицирует публику, что-нибудь да скрывая.

“Балаганчик” сверкнул ослепительно среди безмерных сокровищ Серебряного века. Как лампа Аладдина. Она светила прямо в Новое искусство, и непонятно было поначалу, то ли это было оскорбительно для Нового искусства, то ли совсем наоборот.

Кризис, кризис! Старый театр был просто старым, где люди едят, пьют, носят свои пиджаки, а между тем, – “Нужны новые формы!” – волновался Треплев. Вдруг оказалось – новые формы нужно искать в уличном балагане, не то, что старом – попросту древнем, и кто

скажет, сколько столетий едет по дорогам Европы и бездорожью России мой полинялый балаган?

“Балаган вечен. Его герои не умирают. Они только меняют лики и принимают новую форму”, – понял Мейерхольд. Другие тоже понимали, Пикассо, например, потом Карне. Но, пожалуй, Мейерхольд единственный постиг самую суть Балагана. Там были карлики и великаны, говорящие девы-русалки и Цейлонский дикий человек, пожирающий живую курицу. Короче: там была иная реальность, отчасти похожая на нашу, но совсем другая! Фантастическая, ироническая, гротескная. Главное – другая. Параллельный мир, как будут говорить позже и по другому поводу. Но и на сцене мейерхольдова театра должна была сложиться собственная иная реальность. Он ее и являл.

Еще вот что. В уличном балагане оставались окаменевшие обломки магии былых культур, былых цивилизаций, когда магическое искусство было всеильным. Собственно, каждому авангардисту необходимо выпустить джинна из бутылки, какую становились формы позднего искусства, а Мейерхольд сказал, что жаждет всецело завладеть душой зрителя. И конечно, не случайно называл себя Доктором Дапертутто, чародеем и похитителем зеркальных отражений, а проще говоря, – душ.

О том, как весь круг “новых людей”, символистов и “собратьев по ворожбе”, как говорил Брюсов, о том, как все они так или иначе занимались оккультными делами, сейчас много написано. Только ни разу не встретилось мне имя Мейерхольда в списках искателей тайных знаний. И все же они были ему открыты, но, как истинный балаганщик, он тайн не выдавал своих.

Проницательный современник Е.Зноско-Боровский писал, что Мейерхольд был склонен к мистификации по самой своей натуре, “вышедшей из цирка и придавшей его худому, горбоносому лицу черты Мефистофеля”. Что у Гофмана он полюбил всех тех уродцев, горбунов, шарлатанов, которые стояли на грани реального и ирреальности, для представления которых Мейерхольд находил такие удачные жесты и позы.

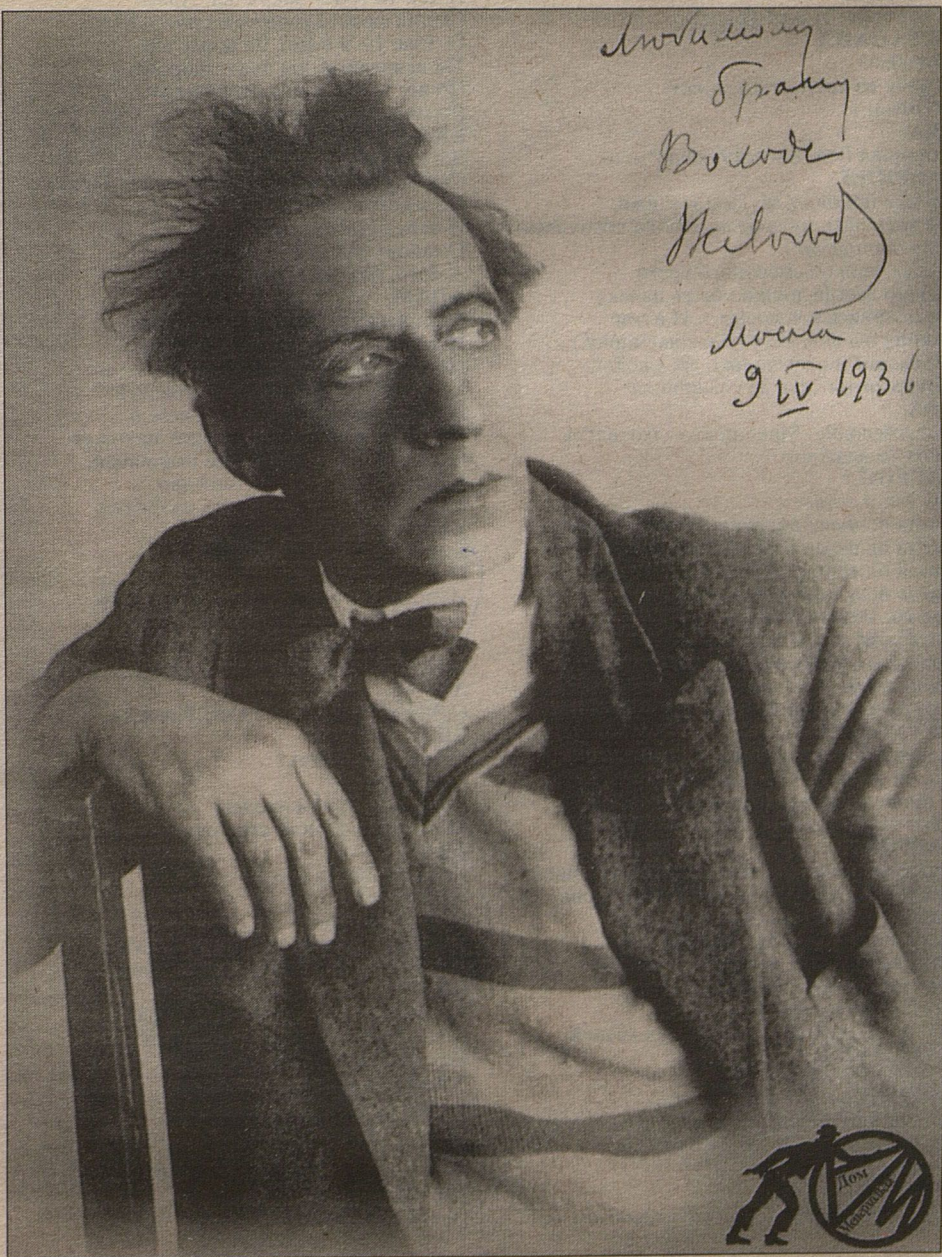
На грани реального и ирреальности располагалась и его внешность. Лицо его было выгодно карикатуристам, могло явить такой гротеск! Только в балагане и показывать, а могло быть прекрасным и благородным.

“Смотри, какой у меня отец красивый” – сказала кому-то Татьяна Всеволодовна Воробьева, дочь Мейерхольда, показывая фотографию. Этот кто-то победил доносить, поскольку враг народа не может быть красивым по определению. А он уже был враг народа, потому кара не задержалась, пала и на дочь. Так рассказывала мне Мария Алексеевна Валентей, дочь Татьяны и внука Мейерхольда.

Однако в любом портрете, в любом облике, в роли любой, какую он находил нужным играть в жизни, он узнавал сразу. И забываем.

В сущности, он оказался бессмертным.

Напоминаю: герои Балагана не умирают. Они только меняют свои лики и принимают новые формы.

Экран и сцена –